

ОБ ИСТОКАХ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ А.П. ЧЕХОВА

О. В. СПАЧИЛЬ

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Детство в хуторах и селах приазовской степи, чтение русской классической литературы, обучение наблюдениям за явлениями природы в Таганрогской гимназии, православное учение об Апокалипсисе и взаимоотношениях человека со всем тварным миром рассмотрены как ключевые факторы, повлиявшие на формирование экологического сознания А.П.Чехова. Вопросы сохранения лесов, бережного отношения к богатствам животного и растительного мира поднимаются во многих произведениях писателя, составляя своеобразный экологический гипертекст, охватывающий всё творчество писателя.

Ключевые слова: *А.П. Чехов, экология, экологический гипертекст, русская классическая литература, русское православие.*

В ноябре 2018 г. журнал американских интеллектуалов «Нью Йоркер» / The New Yorker опубликовал карикатуру Сидни Хариса «Влияния» [1], походившую на мини-комикс. На трех рисунках последовательно изображены писатель-филолог, автомеханик и игрок в бейсбол, и каждый на вопрос о том, кто оказал наибольшее влияние на его становление, перечислял профессионалов в своей области и добавлял «и, конечно, Чехов» / “And, of course, Chekhov”. Замеченный карикатуристом парадокс комичен, однако вполне отражает действительное положение вещей: трудно найти аспект жизни, который бы не был затронут в творчестве великого писателя, нелегко найти другого русского писателя так ценимого и читаемого во всём мире.

Сегодня, когда на наших глазах исчезают виды растений и животных, осуществляются попытки философского осмысления масштабности экологических проблем [2], а Папа Римский впервые в истории подготовил энциклику об охране окружающей среды и экологической справедливости [3], мир с удивлением обнаружил, что катаклизмы, постигшие природу в XXI в., были предсказаны еще в конце XIX – начале XX в. А.П. Чеховым, которого Уолтер Мосс (2019) звучно именуется эко-пророком планетарного масштаба [4]. Еще ранее обратил внимание на грозные пророчества писателя А.И. Солженицын (1998): «Чехов за 70 лет вперед угадал все тревоги экологов и убедительнейше, неопровержимо их изложил, – наверно, да конечно, не из его одних впечатлений сложилось, какой-то вещий старик ему передал» [5]. Такого старика-ведуна, посвятившего Чехова в тайны бытия, чеховедение на сегодняшний день не знает, а вот материалов о жизни и творчестве писателя достаточно, чтобы сделать аргументированные выводы о том, что легло в основание представлений Чехова о взаимодействии человека и

окружающего мира, его взаимоотношений со всей живой природой. Замечание Солженицына о вешем старике побудило нас обратиться к истокам экологического мышления Чехова, его составляющим.

Формулировка темы предлагаемой статьи с использованием прилагательного *экологический*, безусловно, результат современного осмысления вопроса. Слово *экология* во времена Чехова использовалось в ином значении. Так, В. Дубянский в статье 1904 г. «Экологическая или *ойкологическая* география растений» пишет: «Термин “экология” был введён Геккелем, который назвал им науку об отношениях организмов к внешней среде» [6: 254]. Позже термин был применён к географии растений и к части зоологии, «обнимающей собой сведения касательно жилищ животных, т. е. нор, гнёзд, логовищ и т.п.» [7: 256]. Большая советская энциклопедия 1937 г. Фактически повторяет определение В. Дубянского: «Экология, или ойкология (от греч. *oikos* – жилище, местообитание – и *logos* – учение, раздел биологии, изучающий приспособления (адаптации) животных и растений к окружающей неорганической и органической среде» [8: 194]. В 1957 г. БСЭ указывает время появления термина: «Термин “Э.” был введён в 1904 немецким учёным К. Детто, к-рый понимал под Э. процесс адаптации (приспособления) вообще» [9: 640]. С датировкой возникновения термина можно поспорить, поскольку Оксфордский энциклопедический словарь приводит ссылки на использование в научной литературе слов *oecology* и *ecology* начиная с 1873 г. [10: 58]. В БСЭ 1978 г. дано определение, которое соответствует современному пониманию слова «экология»: «биологическая наука, изучающая организацию и функционирование надорганизменных систем различных уровней: популяций, видов, биоценозов (сообществ), экосистем, биогеоценозов и биосферы. Часто Э. определяют также как науку о взаимоотношениях организмов между собой и с окружающей средой. Совр. Э. интенсивно изучает также проблемы взаимодействия человека и биосферы» [11: 596]. Как бы то ни было, ключевыми для всех определений остаются слова *взаимодействие* и *взаимоотношения*, что ярко проявилось в дефиниции слова *экология* в словаре Т.Ф. Ефремовой [12: 916]. Здесь уместно напомнить, что, хотя слово *экология* в современном его значении вошло в язык относительно недавно, проблемы взаимоотношения человека и природы, воздействия человеческой деятельности на окружающий мир, гармоничного сосуществования всего живого на земле стары как мир.

Необходимость выбранного нами ракурса исследования продиктована вниманием к экологической проблематике в произведениях А.П. Чехова именитых [13–14] и молодых исследователей [15–16]. В этой связи отметим обстоятельную статью Томаса Ньюлина / Thomas Newlin «Деградирующие экосистемы в “Дяде Ване”» (2015), в которой экология понимается очень широко, не только как взаимосвязь и взаимозависимость всего живого на земле, как отношение героев к природе, но и как систему взаимоотношений между персонажами пьесы, которые оцениваются как дегенерирующие, свидетельствующие о вырождении: никто никого не слышит, все много го-

ворят, но не друг с другом, а словно «мимо друг друга». Как деградирующая, разрушающаяся экосистема рассмотрен и сам А.П. Чехов, тело которого медленно, но верно разрушает туберкулёз: “The final, shadow ring of the play – and what might at the same time be seen as the “decadent ecosystem” that lies at its very core – is Chekhov’s own body, which was slowly succumbing to tuberculosis...” [17: 221]¹.

Пьесы Чехова «Леший» (1889) и «Дядя Ваня» (1896), повести «Степь» (1888), «Чёрный монах» (1893), рассказ «Свирель» (1887) упоминаются в связи с экологической проблематикой чаще всего, но следует также обратить внимание, что замечания и наблюдения об отношении человека к природе можно найти в тексте многих других рассказов, повестей и пьес, начиная с самых ранних.

Вспомним рассказ «На волчьей садке» (1882), где описано зимнее развлечение московской публики – травля волков. «В среду, шестого января, в европейском и даже в столичном городе Москве, в галереях летнего конского бега, тесно прижавшись друг к другу, теснясь и наступая друг другу на ноги, сидели люди и наслаждались зрелищем. Не только это зрелище, но даже и описание его есть анахронизм...» [18: 117]. Повествователь, рассказывающий обо всём как репортёр, делает знаменательный для молодого автора вывод: «Мораль самого скверного свойства. Сбором можно окупить все расходы, но нельзя окупить тех маленьких разрушений, которые, быть может, произведены той травлей в маленькой душе вышеупомянутого гимнастика» [Там же. Т. 1. С. 121]. Жестокие зрелища развращают юные души.

Рассказ «Именины» (1888), казалось бы, совершенно не связан с вопросами экологии. Но вот взгляд уставшей от гостей Ольги Михайловны падает на полного, тщательно выбритого гостя, имени которого мы так и не узнаем: «...господин в соломенной шляпе с широкою лентой и с дорогою сигарой в зубах. Этот любит говорить: “Пора нам бросить фантазии и приняться за дело!” У него йоркширские свиньи, бутлеровские ульи, рапс, ананасы, маслобойня, сыроварня, итальянская двойная бухгалтерия. Но каждое лето, чтобы осенью жить с любовницей в Крыму, он продает на сруб свой лес и закладывает по частям землю» [Там же. Т. 7. С. 184]. Этот отрывок напрямую перекликается со словами Михаила Львовича Хрущова из «Лешего», обращёнными к профессору Серебрякову: «Повалить тысячу деревьев, уничтожить их ради каких-нибудь двух-трёх тысяч, ради женских тряпок, прихоти, роскоши... Уничтожить, чтобы в будущем потомство проклидало наше варварство! Если вы, учёный, знаменитый человек, решаетесь на такую жестокость, то что же должны делать люди, стоящие много ниже вас? Как это ужасно!» [Там же. Т. 12. С. 177–178]. Напомним, что сам Хрущов копает торф и призывает перестать использовать деревья в виде топлива: «Все русские леса трещат от топоров, гибнут миллиарды деревьев, опустошаются жилища зверей и птиц, мелеют и сохнут реки, исчезают безвозвратно чудные пейзажи, и всё оттого, что у ленивого человека не хватает смысла нагнуться и поднять с земли топливо» [Там же. Т. 12. С. 140].

А вот село Уклеево из рассказа «В овраге» (1899), в котором «...не переводилась лихорадка и была топкая грязь даже летом, особенно под заборами, над которыми сгибались старые вербы, дававшие широкую тень. Здесь всегда пахло фабричными отбросами и уксусной кислотой, которую употребляли при выделке ситцев. Фабрики – три ситцевых и одна кожевенная – находились не в самом селе, а на краю и поодаль. Это были небольшие фабрики, и на всех их было занято около четырехсот рабочих, не больше. От кожевенной фабрики вода в речке часто становилась вонючей; отбросы заражали луг, крестьянский скот страдал от сибирской язвы, и фабрику приказано было закрыть. Она считалась закрытой, но работала тайно с ведома станового пристава и уездного врача, которым владелец платил по десяти рублей в месяц» [Там же. Т. 10. С. 144].

В рассказе «Огни» (1888) способность понимать и жалеть людей почему-то есть только у казенного лесничего Ивана Александровича, именно он назван «хорошим таким старичком» и именно он «долго глядел на рабочих, умилился и сказал ... со слезами на глазах: “Как жаль, что эти замечательные люди умрут!”» [Там же. Т. 7. С. 137]. Отношение ко всему живому у Чехова является главной характеристикой персонажей. И здесь авторское слово настолько прямолинейно и однозначно, что всякий комментарий представляется излишним.

Примечательно, что в быту Чехов точно так же заботился о чистоте и думал об экологических, как бы сегодня сказали, последствиях человеческих поступков. Старший брат Александр Павлович Чехов в своих воспоминаниях о брате описывает эпизод, происшедший во время совместной с Чеховым рыбалки на пруду в Мелихове: «До обеда мы оба успели вытащить и обратно отпустить в воду по паре карасиков-лилипутов. За это время и я успел по неведению совершить большое преступление. Я курил и окурки папиросы бросил в воду.

– Не бросай в воду окурков, – сказал мне серьезно Антон Павлович.

– Да ведь на поверхности пруда и без того плавает много дряни, – заметил я.

– Окурки отравляют воду никотином и могут отравить рыбу.

В этом замечании сказался одновременно и медик, и влюбленный в свое имение хозяин» [19: 247].

Глазами заботливого хозяина Чехов смотрит не только на свой пруд. Болью отзываются в его сердце горящие леса Сахалина: «На правом берегу горел лес; сплошная зеленая масса выбрасывала из себя багровое пламя; клубы дыма слились в длинную, черную неподвижную полосу, которая висит над лесом... Пожар громадный, но кругом тишина и спокойствие, никому нет дела до того, что гибнут леса. Очевидно, зеленое богатство принадлежит здесь одному только богу» [18. Т. 14–14. С. 44].

Чтение произведений Чехова, воспоминаний о нём постепенно формирует в восприятии наших современников некий экологический гипертекст, понятый и оцененный лишь сейчас, когда деградирующая биосфера посы-

лает всё более ощутимые предостережения человечеству и возникла реальная угроза жизни на планете. Откуда у Чехова такое чуткое отношение ко всему живому, такая отзывчивость, такая способность к эмпатии? Что послужило формированию экологического сознания писателя? Что можно выделить в качестве истоков и составляющих, сформировавших повышенную восприимчивость к пониманию страданий всего живого? Не требует доказательств аксиома, что явление в мир высокоодарённой личности всегда останется неразгаданной тайной. Сами слова «дар» и имеющее библейское происхождение «талант» свидетельствуют о принципиальной непостижимости и иномирности творческого дарования, о его уникальности. Факторы, о которых мы скажем далее, касаются жизни не одного Чехова, но в его конкретном случае они, безусловно, дали совершенно своеобразное сочетание, доступное нам в его творческом наследии.

Первое, о чём нужно сказать, это детство и юность, проведённые в Таганроге, в имениях, хуторах, деревнях и сёлах приазовской степи, среди южнорусской природы. Поездки в Криничку, Княжюю [20: 20], армянское село Большие Салы [Там же. С. 27], имение И.П. Селиванова [Там же. С. 28], на Матвеев курган [Там же. С. 31], хутор Рагозина Балка [Там же. С. 45] через много лет вылились в строки, написанные Чеховым члену Таганрогской городской управы П.Ф. Иорданову 28 июля 1898 г.: «Если бы не бактерии, то я поселился бы в Таганроге года на два на три и занялся бы районом Таганрог – Краматоровка – Бахмут – Зверево. Это фантастический край. Донецкую степь я люблю и когда-то чувствовал себя в ней как дома, и знал там каждую балочку. Когда я вспоминаю про эти балочки, шахты, Саур-могилу, рассказы про Зуя, Харцыза, генерала Иловайского, вспоминаю, как я ездил на волах в Криничку и в Крепкую графа Платова, то мне становится грустно и жаль, что в Таганроге нет беллетристов и что этот материал, очень милый и ценный, никому не нужен» [18. Т. 7. С. 230-231]. Повесть «Степь» (1888) – признание в любви природе родного края, совершенно заслуженно названное автором в письме к Д.В. Григоровичу 12 января 1888 г. «степной энциклопедией» [Там же. Т. 2. С. 173], а исследователями «ботанико-зоологической экскурсией по приазовской степи» [21: 396]. Нельзя не согласиться с выводом И.Н. Сухих, который подчёркивает оригинальность «Степи» именно в том, что «пейзаж, который обычно занимал в литературе подчинённое место, стал здесь самостоятельным сюжетом, жизнь природы – предметом специального интереса» [22: 126].

Вторым важным фактором, повлиявшим на формирование экологических взглядов Чехова, стало знакомство с поэтическим наследием Николая Федоровича Щербины (1821–1869) – «экофилософа из степной глубинки», как его назвала в своей книге Е.А. Шапочка (2010) [23: 156]. В главе, посвящённой Н.Ф. Щербине как выпускнику Таганрогской Александровской гимназии, читаем: «В мироощущении Николая Щербины Бог и природа неразделимы. Перед солнцем все равны и все имеют равное право на жизнь – дроздила, птица, человек» [Там же. С. 156]. Цикл «Песни о природе» этого

уроженца степного хутора под Таганрогом был хорошо известен Чехову. Поэт бывал в доме родителей А.П. Чехова, а позже писатель поддерживал общение с семьёй Н.Ф. Щербины. Пантеистическими идеями вдохновлены строки поэта: «Тогда одним живущим существом / Я вижу мир перед собою, / И многое скрывается в одном, / И дышит общею душою» [Там же. С. 158]. Отголоски этих строк слышны в монологе о мировой душе из пьесы Чехова «Чайка» (1896). Пантеизм Щербины в конечном итоге развёл его с народниками. Н.К. Михайловский, признавая масштаб поэтического дарования поэта, не принимал его мировоззренческих установок: «Вдвигая человека, со всеми его радостями и страданиями, помыслами и страстями, в бесконечную цепь явлений природы на правах одного из атомов, пантеизм, собственно говоря, вычеркивает человека, закладывает его на алтаре мирового величия» [24].

Чехов бережно хранил книги с автографами авторов и переводчиков и пересылал их в Таганрог. В библиотеке, переданной им родному городу, хранилась книга, составленная и изданная Николаем Щербиной «Пчела. Сборник для народного чтения и для употребления при народном обучении». Экземпляр имел много вставок (печатных и рукописных), сделанных рукою Щербины. Страницы книги были испещрены примечаниями, отметками карандашом и чернилами [25: 396-397]. Чехов радел о сохранении в Таганроге памяти о талантливом земляке, о чём неоднократно упоминал в письмах П.Ф. Иорданову. 13 октября 1896 г. он пишет в Таганрог: «Недавно я заказал сделать снимок с памятника Щербины – и когда он будет готов, пришлю. Недавно Т.И. Филиппов, госуд<арственный> контролёр, выпустил “Сборник” со статьёй о Щербине. Добуду “Сборник” и тоже пришлю» [18. Т. 6. С. 192-193]. Речь шла о книге «Сборник Т. Филиппова» (1896), в котором помещена его статья «О деятельности и литературных заслугах Н.Ф. Щербины». Поэт скончался в Санкт-Петербурге и был похоронен на Тихвинском кладбище. Заботясь об устройении в родном городе библиотеки и музея, Чехов пишет П.Ф. Иорданову 31 октября 1897 г. из Ниццы: «Из неземляков, пожалуй, кое-что может сделать для нас государств<енный> контролёр Тертий Филиппов. В его сборнике есть статья о поэте Щербине (таганрожец) и во-1) можно попросить у него оригинал этой статьи (рукопись), 2) спросить, где можно добыть хороший портрет Щербины и 3) вообще поговорить о Щербине и отобрать от него автографы поэта, буде они у него имеются» [Там же. Т. 7. С. 89]. Из письма В.А. Сиротина, родного племянника Н.Ф. Щербины, становится известно, что Чехов планировал принять самое горячее участие в «издании сборников литературы, отдельных изданий сочинений и стихотворений Н.Ф. Щербины» [Там же. Т. 10. С. 546].

Третьей составляющей формирования любви к природе и наблюдательности стали занятия в Таганрогской Александровской гимназии, где в распоряжении гимназистов была метеорологическая станция, оснащённая самым совершенным на тот момент оборудованием: «Физический кабинет обогатился в 1841 г. полным собранием метеорологических инструментов, а

в 1844 г. приобретено физических аппаратов на сумму 2 341 руб. Метеорологические наблюдения производились почти непрерывно в Таганрогской гимназии от самого ее основания до 1852 года. Результаты наблюдений отсылались в академию наук» [26: 14]. Сумма, потраченная на оборудование лабораторий гимназии – 2 341 рубль, по тем временам была огромной. Во время учёбы А.П. Чехова ученическая метеорологическая станция продолжала свою работу, заведовал ею Иван Фёдорович Крамсаков, преподававший в разные годы математику, географию, естественную историю [23: 87].

Традиции наблюдений за природными явлениями и погодой, существовавшие в таганрогской гимназии, имели далеко идущие последствия в жизни семьи Чеховых, именно к ним восходит дневник мелиховского летописца – Павла Егоровича Чехова, отца писателя [27]. Обученный гимназистом наблюдать за состоянием природы, до последних дней жизни в Мелихово Чехов отправлял сведения о погоде в Отдел сельскохозяйственной статистики Министерства земледелия. «Мелиховские корреспонденции сына и отца посылались, видимо, до осени 1898 г., вплоть до кончины П.Е. Чехова. Далее эти наблюдения, ввиду пребывания Чехова в Ялте, вероятно, по его просьбе, вела какое-то время М.Ф. Терентьева, молодая земская учительница в только что открывшейся мелиховской школе» [28: 81]. Биограф Чехова А.П. Кузичева со всеми основаниями полагает, что исследователь архивов Министерства может найти там листки, заполненные рукой писателя. Чехов неоднократно в шутку и всерьёз упоминал о своём участии в деле сельскохозяйственной статистики. После смерти отца жизнь в Мелихове остановилась, здоровье писателя ухудшилось, и врачи настоятельно рекомендовали ехать в Крым. В одном из писем из Ялты Чехов напоминает сестре о необходимости продолжать наблюдения за температурой и погодой: «Не забыла ли ты сказать Марии Фёдоровне, чтобы она записывала температуру и погоду? Пусть она заполняет листки “Отдела статистики” и посылает их от моего имени. Один (из двух) лист присылала бы мне, я писал бы что-нибудь от себя и возвращал бы Марии Фёдоровне для отсылки в Петербург» [18. Т. 7. С. 339]. Анализ метеорологических таблиц, предоставленных Чехову заведующим метеорологической станцией на Сахалине и их сравнение с среднемесячными температурами Череповецкого уезда, приведённые в книге «Остров Сахалин» [Там же. Т. 14-15. С. 111-113] дают основание говорить о том, что писатель прекрасно разбирался в этом вопросе.

Именно в Мелихове любовь отца писателя Павла Егоровича Чехова к природе проявилась наиболее ярко и дошла до нас благодаря его дневнику и воспоминаниям современников. Взаимный неподдельный интерес к погоде, природным явлениям связывает отца и сына в эти годы. Дневник Павла Егоровича – свидетельство его полного погружения в события окружающей жизни: температура воздуха, прилёт птиц, цветение «пионы», сев озимых и ржи, первый снег и первый дождь, косьба, ведро и многие другие детали природы относятся к событиям, достойным быть записанными в дневнике,

наряду с приездами и отъездами членов семьи и гостей, посещением церковных служб и меню семейных обедов. Записи июля 1892 г.: «После дождя растение поправляется. / 2. Роса. Тихо. Можно назвать райским днём. Миша и Семашко уехали в Москву. / Жарко, в тени 24 гр. Ночью дождь. / 4. Дождь. / 5. Вишни и крыжовник поспели. / Варенье сварил я» [27. С. 8].

Дневник Павла Егоровича вызывал добрую иронию и шутку сыновей. Чего стоят записи, сделанная рукой Чехова в марте 1893 г.: «15. Баран прыгает. Марьюшка радуется. / 16. / 17. Уехал в Москву П.Г. Чехов. Днём + 2. Привезли овёс»; «19. –5. Приехали Маша и Мизинова. Ясный день. Привезли чечевицу и гречку. / 20. –5. Ясный день. Парники готовы. Мамаше снилась коза на горшке. / 21. +5. Приехал Семашко. Ели жареное вымя. / 22. +6. Слыхали жаворонка. Вечером пролетел журавль. Уехал Семашко. / 23. +3. Мамаше снился гусь в камилавке. Это к добру. Больна животом Машка. Зарезали свинью» [Там же. С. 47]. Михаил и Антон Павловичи добавляли в дневник свои записи во время отсутствия отца, словечки и выражения которого бесконечно пародировались в семье [29]. Страстное увлечение садом сближало отца и Антона Павловича. Последнее письмо от сына, полученное Павлом Егоровичем за две недели до смерти, касалось посадки заказанных саженцев яблонь [18. Т. 7. С. 271-272]. Уход отца рассматривался Чеховым как «прекращение течения мелиховской жизни» [Там же. Т. 7. С. 295-296]. Вскоре семья переселилась в Ялту, где Чехов создал прекрасный сад-парадиз «круглогодичного цветения» [30: 16]. 20 февраля 1900 г. из Ялты Чехов написал письмо М.О. Меншикову, в котором есть примечательный абзац: «Произошло чудо: у меня в саду в грунту расцвела камелия – явление в Ялте, кажется, небывалое. Она перезимовала, пережила 8-гр<адусные> морозы. Мне кажется, что я, если бы не литература, мог бы быть садовником» [18. Т. 9. С. 58]. Впоследствии, мечтая об устройстве в крымском Кучук-Кое санатория для больных сельских учителей, Чехов говорил М. Горькому: «Знаете, я выстроил бы этакое светлое здание – очень светлое, с большими окнами и с высокими потолками. У меня была бы прекрасная библиотека, разные музыкальные инструменты, пчельник, огород, фруктовый сад; можно бы читать лекции по агрономии, метеорологии, учителю нужно всё знать, батенька, всё!» [31: 90]. В нашем контексте выбор лекций по агрономии и метеорологии, как и пчельника, огорода и фруктового сада, довольно показателен.

Следующим фактором, **четвёртым** по последовательности изложения, но никак не по значимости, назовём православие. Мы не предлагаем продолжить дискуссию о том, был ли Чехов человеком верующим. Да и что можно знать о, возможно, самом сокровенном, о тайне человеческого сердца. Здесь важно, что с самого детства Чехов жил в мире православной культуры, пел с братьями в церкви, участвовал в домашних молитвословиях, зачинателем которых был отец; гимназистом изучал Закон Божий – один из немногих предметов, по которому был удостоен отличной оценки в аттестате. Позже, в годы зрелости, ни одну пасхальную ночь он не провёл

дома в постели, посещал церковные службы, слушал колокольный звон и песнопения (вместе с членами семьи пели всю пасхальную службу в Мелихове), ездил в монастыри. Не только уклад родительской семьи, но и впоследствии уклад его собственной домашней жизни строился по православному календарю с его именинами, Рождеством, Пасхой, постами и разговениями. Чехов хорошо знал Евангелие, богослужебные тексты и церковные обряды.

По учению церкви весь животный мир страдает и мучается не по своей вине, но только из-за человеческого греха. Апокалипсис – неотвратимая перспектива нашего мира. Возможно, поэтому Чехов и смог представить в монологе мировой души из «Чайки» мир без людей, без жизни вообще: «Холодно, холодно, холодно. Пусто, пусто, пусто. Страшно, страшно, страшно. <...> Тела живых существ исчезли в прахе...» [18. Т. 13. С. 13]. Эта всепланетная катастрофа должна стать предтечей нового мира и новой земли, где установится гармония и всеобщее блаженство, наступит так долго чаемое всеобщее единение. А пока, как говорит Евангелие, «вся тварь совокупно стенает и мучается» [32. Рим. 8:19] и с надеждой взирает на человека, через которого и придёт обновление и воскресение, «ибо тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих» [Там же. Рим. 8:19]. Совокупные страдания всей твари вызывают сердечное участие совестливых людей. Именно таким жалельщиком о всех выступает старик Лука из рассказа «Свирель». Он воспринимает измелчание рек, оскудение животного мира как неминуемо надвигающуюся катастрофу: «И, боже, как жалко! Оно, конечно, божья воля, не нами мир сотворён, а всё-таки, братушка, жалко. Ежели одно дерево высохнет или, скажем, одна корова падёт, и то жалость берёт, а каково, добрый человек, глядеть, коли весь мир идёт прахом? Сколько добра, господи Иисусе! И солнце, и небо, и леса, и реки, и твари – ведь всё это сотворено, приспособлено, друг к дружке прилажено. Всякое до дела доведено и своё место знает. И всему этому пропадать надо!» [18. Т. 6. С. 323]. Зорко примечающий Божьи дела, Лука-пастух достиг совершенной любви ко всему творению. Эта всеобъемлющая любовь-жалость поднимает тощего старика «в рваной сермяге и без шапки», наигрывающего на свирели, до уровня святого, при жизни своим сердечным состраданием уподобившегося своему Творцу. «Жалко, братушка! И боже, как жалко Земля, лес, небо... тварь всякая... Пропадает всё ни за грош. А пуще всего людей жалко» [Там же. Т. 6. С. 327].

В ответ на упреки радикальных экологов христианству, поставившему человека в центр мироздания, что и привело, по их мнению, к разрушению всего остального тварного мира, современные православные философы подчёркивают ту роль, которую Бог предписал человеку – быть «управляющим Божьим хозяйством..., заботливым садовником и защитником-пастухом» [33: 36]. Гармонизации взаимоотношений между человеком и Богом, человеком и природными стихиями должны были служить многочисленные молитвы «во время бездождия», «во время беззвездия», о

благословении колодцев, хлеба, масла, соли, плодов, мёда, орехов и т.д. Православные богослужебные требники наполнены молитвами, сопровождавшими все важные события фенологического календаря.

Человек – соратник, друг Богу, поставленный преумножить то, что ему вверено. Влюблённым в своё имение хозяином назвал Александр Павлович Чехов брата, когда Чехов попросил не бросать окурки в пруд. Сегодня, зная всю биографию писателя, мы уверенно говорим, что масштаб его забот выходил далеко за границы собственного имения, ему было дело и до окрестных деревень, и до Сахалинской каторги. В речи ветеринарного врача Ивана Иваныча из рассказа «Крыжовник» (1898) слышны авторские интонации: «Принято говорить, что человеку нужно только три аршина земли. Но ведь три аршина нужны трупу, а не человеку. И говорят также теперь, что если наша интеллигенция имеет тяготение к земле и стремится в усадьбы, то это хорошо. Но ведь эти усадьбы те же три аршина земли. Уходить из города, от борьбы, от житейского шума, уходить и прятаться у себя в усадьбе – это не жизнь, это эгоизм, лень, это своего рода монашество, но монашество без подвига. Человеку нужно не три аршина земли, не усадьба, а весь земной шар, вся природа, где на просторе он мог бы проявить свои свойства и особенности своего свободного духа» [18. Т. 10. С. 58]. Таким же неугомонным хозяином и помощником Бога на земле чувствует себя Михаил Львович Хрущов, помещик, кончивший курс на медицинском факультете: «Когда я сажаю березку, и потом вижу, как она зеленеет и качается от ветра, душа моя наполняется гордостью от сознания, что я помогаю богу создавать организм» [Там же. Т. 12. С. 141]. Созвучен Хрущову Михаил Львович Астров, врач, из «Дяди Вани»: «Человек одарён разумом и творческой силой, чтобы преумножить то, что ему дано, но до сих пор он не творил, а разрушал» [Там же. Т. 13. С. 72–73]. Показателен здесь и пример самого писателя, преобразившего заброшенный клочок земли в греческой деревне Аутка, на месте которого сегодня живёт прекрасный сад рядом с Белой дачей. Обратим внимание, что все упомянутые нами персонажи – врачи, а двое носят имя Михаил. Как писал священник П. Флоренский, «...Михаил, самой этимологией своей, указывает на высшую меру духовности, на особливую близость к Вечному: оно значит “Кто как Бог”, или “Тот, Кто как Бог”» [34: 258].

Можно вполне согласиться с мыслителями, считающими положение человека-хозяина результатом монотеистической картины мира, будь то иудаизм, христианство или ислам. Даже если мы и не верим в Бога, считаемся агностиками, всё равно мы волей-неволей воспроизводим традиционные модели мышления. Возможно, правы те, кто считает антропоцентричную цивилизацию корнем всех зол. Как пишет в своей недавней (2019) книге Тимоти Мортон, «возможно, проблема пространства, организованного человеком, именуемого “цивилизацией” как раз и состоит в том, что в нем не предусмотрено место для других живых существ, которые неприкаянно бродят вокруг или пробиваются через трещины в бетоне. Они не принадлежат к роду

homo sapiens, а потому – гости незваные» / “Perhaps that’s what’s wrong with most human-built space in what is called ‘civilization’, that it doesn’t accommodate the beings who are already here, walking around as strays or bursting through the cracks in the concrete. These nonhumans are like uninvited guests” [2: 49]. Но мир Чехова именно такой, и он в большей или меньшей степени отражает религиозную систему, в которой писатель жил и творил.

Пятым фактором можно считать чтение **русской литературы**, в которой эстетическое наслаждение природой, любование ею часто имеет и этическую составляющую, оказало огромное влияние на формирование взглядов Чехова на окружающий живой мир. Круг чтения писателя был чрезвычайно обширен, сюда входили признанные классики Г.Р. Державин, В.А. Жуковский, А.С. Пушкин, А.С. Грибоедов, М.Ю. Лермонтов, Н.В. Гоголь, А.В. Дружинин, и не столь широко известные сегодня А.П. Сумароков, М.М. Херасков, А.Ф. Мерзляков, Е.П. Гребенка. Чехов прекрасно знал прозу и поэзию писателей современников – Л.Н. Толстого, И.А. Гончарова, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Д.В. Григоровича, А.Н. Островского, Н.С. Лескова, Я.П. Полонского, А.А. Майкова, А.С. Суворина, В.М. Гаршина, Г.И. Успенского, Л.Н. Трефолева, Вас.И. Немировича-Данченко, Н.М. Минского, А.Н. Апухтина и многих других. В распоряжении таганрогских гимназистов была прекрасная библиотека, в которой, согласно «Краткой исторической записке», составленной директором Рейтлингером и секретарём Островским в 1880 г., находилось богатое собрание книг: «В фундаментальной библиотеке 3 225 названий или 9 535 томов, в ученической – 422 названия, или 849 томов» [26: 72].

Скажем отдельно об И.С. Тургеневе, которого Чехов особо выделял, а творчество которого считал образцом, эталоном художественности [35]. И хотя экологические заметки Тургенева сегодня оцениваются как наивные [36: 81], тем не менее они поднимают важные вопросы истребления лесов, оскудения животного мира. С точки зрения современного понимания жизни биоценозов и экосистем, безусловно, знания, которыми обладал Тургенев были весьма ограниченными, но в контексте нашего исследования важно подчеркнуть, что писатель задавался этими вопросами уже в середине XIX в. Мы находим их полностью сформулированными в отклике на «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» С.Т. Аксакова в 1852 г.: «Человека не может не занимать природа, он связан с ней тысячью неразрывных нитей: он сын ее; сочувствие, которое возбуждает в душе жизнь существ низших, столь похожих на человека своим внешним видом, внутренним устройством, органами чувств и ощущений, несколько напоминает тот живой интерес, который каждый из нас принимает в развитии младенца. Все мы точно любим природу, – по крайней мере, никто не может сказать, что он ее положительно не любит; но и в этой любви часто бывает много эгоизма. А именно: мы любим природу в отношении к нам; мы глядим на нее, как на пьедестал наш» [37].

Важный фактор формирования Чехова-писателя – искреннее увлечение в гимназические годы И.А. Гончаровым, и последующие сложные отношения

с этим классиком [38]. На гимназиста Чехова особое впечатление произвёл «Фрегат Паллада». В письме младшему брату Михаилу Чехов советует прочесть это «нескучное путешествие» [18. Т. 1. С. 29]. В своей «Литературной табели о рангах» (1886), оставив вакантными самые высокие чины действительных тайных советников, на следующий по высоте положения, в ранг тайных советников, Чехов возводит Л.Н. Толстого и И.А. Гончарова [Там же. Т. 5. С. 143].

В неоднократно читаном романе «Обрыв» (1869) Чехов, наверняка, не мог пройти мимо одного из персонажей, который стремится выполнять по отношению к природе роль заботливого хозяина. «Тушин многое скрадывал, совестясь “докучать” гостю своими делами, и спешил показать ему, как артисту, лес, гордясь им, как любимым делом.

Вид леса в самом деле поразил Райского. Он содержался, как парк, где на каждом шагу видны следы движения, работ, ухода и науки. Артель смотрела какой-то дружиной. Мужики ходили сами на хозяев, как будто занимались своим хозяйством. <...> В этой простой русской, практической натуре, исполняющей призвание хозяина земли и леса, первого самого дюжего работника между своими работниками, и вместе распорядителя и руководителя их судеб и благосостояния, он видел какого-то заволжского Роберта Овена!» [39: 671-672]. Лес как рукотворный сад, а сад, в свою очередь, как место для сердечного отдохновения, эстетического наслаждения природой, философских раздумий, как прообраз некоего целостного универсума – рая. И лес, и сад могут выполнять и вполне утилитарное назначение – служить местом для аптекарского огорода, плодовых деревьев и кустов, ульев для пчёл и т.п. – во всех этих ипостасях сад и лес присутствуют в творчестве Чехова. В этом ряду и «роскошный» сад Трифона Семёновича из рассказа «За яблочки» (1880), и старинный, на манер английского, парк в Борисовке Песоцких, и сад Егора Семёновича с его декоративной и коммерческой частями, в котором «было весело и жизнерадостно даже в дурную погоду» [18. Т. 8. С. 226] из повести «Чёрный монах» (1893), и замечательный вишнёвый сад в имени Любви Андреевны Раневской из одноимённой пьесы (1903), ставший, по меткому выражению В.Б. Катаева, элементом национальной мифологии.

Последовательность, в которой мы выстроили факторы, оказавшие влияние на формирование экологического сознания Чехова, довольно условна, она может и быть и другой. Важно, что и родная природа, и родная литература, и православная среда сформировали совершенно уникальный писательский взгляд на взаимосвязь и взаимодействие всего живого на нашей планете. Размышления на тему сохранения природы не оставляли Чехова и впоследствии, эти вопросы горячо обсуждались его современниками и прежде всего касались основного богатства Российской империи – леса. Здесь можно упомянуть выход двумя изданиями в 1890 и в 1893 гг. трёхтомного сочинения Ф.К. Арнольда «Русский лес», появление в 1892 г. главы «Меры по охранению лесов» в книге брата Чехова Александра Павловича о

пожарном деле [40: 75-108], его же публикацию в газете «Новое время» за 15 января 1888 г. статью «Былые и новые леса в южных степях» и др. Вспоминая о разговорах с Чеховым на театральные темы во время их общения в Ялте в 1889 г. (Чехов работал над «Лешим»), И.Я. Гурлянд спросил, «почему центром пьесы является человек, влюблённый в леса. – Наболевший вопрос, – коротко ответил Чехов и прекратил разговор» [41: 187].

Вопрос действительно был наболевшим. В периодической печати появились статьи, напрямую связывавшие увеличение смертности среди людей с истреблением деревьев и растительности. Так журнал «Русский вестник» в 1896 г. опубликовал небольшую статью «Влияние обезлесения на увеличение смертности» о представленном в Парижскую медицинскую академию докладе, о девятикратном увеличении смертности в департаментах, лишённых лесной растительности. Приведём заметку полностью: «В парижскую медицинскую академию (11 февраля 1896 г.) представлен доклад о состоянии смертности в тех департаментах, в которых истреблены леса. Перепись указывает на прогрессирующее уменьшение рождаемости в тридцати департаментах, лишённых растительности; с 1886 по 1891 г. смертность в этих департаментах была в 9 раз сильнее, чем в остальной Франции. Доклад настаивает на том, чтобы истребление леса было признано за причину уменьшения народонаселения, и чтобы против этого были приняты правительственные меры» [42].

К концу XVIII – началу XIX в. во многих европейских странах, в частности, в Германии, многочисленные мануфактуры «довели уничтожение лесов до последнего предела» [43: 180]. Во Франции, и особенно в индустриальной Англии лесов практически не осталось. Выход был найден в устройении садов и масштабных посадках деревьев. В начале этот процесс был вызван стремлением к реализации принципа устойчивого, долговременного лесопользования. Однако затем ситуация переменялась: «И если сначала принцип преследовал чисто экономические цели и достижения, то позже понятие устойчивости стало трактоваться скорее с экологических позиций» [Там же. С. 196]. Площади искусственных лесов в Европе стали увеличиваться с 1850 г., что повлекло изменение климата и снижение почвенной эрозии. Деятельность лесоводов привела к тому, что «значительная часть Центральной Европы вновь покрылась лесом» [Там же. С. 207].

Подводя итог сказанному, важно заметить, что Чехов носил в себе болезнь, постепенно разрушавшую его, знал как врач, чем могут закончиться мучавший его туберкулёз и перебои сердца. Жизнь Чехова – это жизнь умирающего человека, с особой остротой отмечающего страдания всего живого рядом с собой – и деревьев, и растений, и животных. 24 декабря 1890 г. он пишет Суворину: «Странная история. Пока ехал на Сахалин и обратно, чувствовал себя здоровым вполне, теперь же дома происходит во мне чёрт знает что. Голова побаливает, лень во всем теле, скорая утомляемость, равнодушие, а главное – перебои сердца. Каждую минуту сердце останавливается на несколько секунд и не стучит» [18. Т. 4. С. 149]. Снова Суворину 27 марта 1894 г.: «В общем я здоров,

болен в некоторых частностях. Например, кашель, перебои сердца, геморрой. Как-то перебои сердца у меня продолжались 6 дней, непрерывно, и ощущение всё время было отвратительное» [Там же. Т. 5. С. 263]. Болезнь с Чеховым неотступно. И хотя он и ободряет себя оптимистическими наблюдениями, что кашлять стал меньше, тем не менее, отмечает зловещие приметы. Ещё одна выписка из письма Суворину от 21 апреля 1894 г.: «Кашель у меня значительно легче, я загорел и, говорят, пополнил. Но на днях едва не упал, и мне минуту казалось, что я умираю: хожу с соседом-князем по аллее, разговариваю – вдруг в груди что-то обрывается, чувство теплоты и тесноты, в ушах шум, я вспоминаю, что у меня подолгу бывают перебои сердца – значит, не даром, думаю; быстро иду к террасе, на которой сидят гости, и одна мысль: как-то неловко падать и умирать при чужих» [Там же. Т. 5. С. 293].

Вокруг Чехова было много здоровых людей, полных социального и научного оптимизма. Конец XIX – начало XX в. – время новых открытий в науке, когда казалось, что запасы и природные богатства неисчерпаемы, а использование пара и электричества навсегда изменят жизнь на земле. Создалась иллюзия, что нужно ещё немного потерпеть и жизнь станет невообразимо лёгкой и прекрасной. Время государственно поощряемого социального оптимизма продлилось затем в СССР до конца 1980-х гг. Если В.Я. Лакшин в своей книге 1975 г. оценивает деда-пастуха из рассказа «Свирель» как «иронический образ унылого старца с его тоскливой, неутешно плачущей свирелью» [44: 133] и делает вывод, что «не следует искать в рассказе прямых намёков» [Там же. С. 133], то сегодня этот персонаж воспринимается в качестве художественного прозрения, как пророчество о мире, вошедшем в фазу экологической катастрофы.

Сегодня «на смену закона “сохранения энергии” пришёл второй закон термодинамики... [он – О.С.] положил конец оптимистическому мифу о прогрессе, “вере” в бесконечные возможности науки» [45: 251-252]. Каждый день мы узнаём об исчезновении видов животных и птиц, многие из которых были истреблены человеком, страдает и сам человек. Сегодня природа – это уже не окружающая нас среда, а мы сами, наше тело, заражённое радионуклидами, некачественной водой или отравленным воздухом. С возложенной на него миссией возделывать и хранить землю в настоящее время человек не справляется.

Обращение сегодня к творчеству Чехова, к экологической проблематике его произведений совершенно не случайно. У Чехова нет готовых рецептов, но как настоящий врач он видел начало лечения в безошибочно поставленном диагнозе, а в случае художника слова – в правильно поставленном вопросе. 27 октября 1888 г. Чехов отвечает Суворину: «Требую от художника сознательного отношения к работе, Вы правы, но Вы смешиваете два понятия: *решение вопроса* и *правильная постановка вопроса*. Только второе обязательно для художника. В “Анне Карениной” и в “Онегине” не решён ни один вопрос, но они Вас вполне удовлетворяют, потому только, что все вопросы поставлены в них правильно» [18. Т. 3. С. 46]. Ответов у Чехова нет, но он сделал своё дело – поставил правильно вопросы. Произведения А.П. Чехова будят ум и совесть людей, трогают

сердца любовью и печалью о прекрасно устроенном и гибнущем мире и побуждают искать пути спасения, выхода из кажущегося тупика.

ЛИТЕРАТУРА

1. Influences by Sydney Harris // URL: <https://www.cartoonstock.com/cartoonview.asp> (Accessed: 20.10.2019).
2. *Morton T.* Being Ecological. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 2019. 172 p.
3. Encyclical letter *LAUDATO SI'* of the Holy Father Francis on Care for Our Common Home // URL: http://w2.vatican.va/content/francesco/en/encyclicals/documents/papa-francesco_20150524_enciclica-laudato-si.html (Accessed: 23.10.2019).
4. *Moss W.G.* Anton Chekhov: Environmental Prophet for Our Planet // Hollywood Progressive. URL.: <https://hollywoodprogressive.com/our-planet/> (Accessed: 20.10.2019).
5. *Солженицын А.И.* Окунаясь в Чехова // А.П. Чехов: Pro et contra: антология: в 3 т. Т. 3. – СПб.: РХГА, 2016. – С. 694–695.
6. *Дубянский В.* Экологическая или *ойкологическая* география растений // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. – СПб.: Тип. Акционерн. о-ва Брокгауз-Ефрон, 1890–1907. Т. 40, 1904. – С. 254–256.
7. *В.М.Ш.* Экология // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. – СПб.: Тип. Акционерн. о-ва Брокгауз-Ефрон, 1890–1907. Т. 40, 1904. – С. 256.
8. Большая советская энциклопедия: в 66 т. / гл. ред. О.Ю. Шмидт. Т. 63. – М.: ОГИЗ РСФСР, 1935. – 767 с.
9. Большая советская энциклопедия: в 51 т. / гл. ред. Б.А. Введенский. Т. 48. – М.: Большая советская энциклопедия, 1957. – 670 с.
10. The Oxford English Dictionary / J.A. Simpson & E.S.C. Weiner. Vol. 5. Oxford: Calrendon Press, 1991. 1144 p.
11. Большая советская энциклопедия: в 30 т. / Глав. ред. А.М. Прохоров. Т. 29. – М.: Советская энциклопедия, 1978. – 640 с.
12. *Ефремова Т.Ф.* Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. Т. 3. – М.: Астрель, 2006. – 973 с.
13. *Чудаков А.П.* Природный мир // А.П. Чехов. Энциклопедия / Сост. и науч. ред. В.Б. Катаев. – М.: Просвещение, 2011. – С. 289.
14. *Одесская М.М.* Ландшафт в эстетическом сознании Чехова // Чеховская карта мира. Матер. междунар. научной конференции. Мелихово 3-7 июня 2014 г. – М.: Издат-во «Мелихово», 2015. – С. 505-515.
15. *Ермакова В.Я.* Проблема «Человек и окружающий его живой мир» в рассказах А.П. Чехова // XI Молодежные чеховские чтения в Таганроге. – Таганрог. 2019. – С. 96-100.
16. *Бакурадзе Ю.* Доктор Стокман и доктор Астров (герой и его дело в пьесах Г. Ибсена «Враг народа» и А.П. Чехова «Дядя Ваня» // Русская словесность. № 4, 2018. – С. 68-71.
17. *Newlin T.* Decadent ecosystems in *Uncle Vanya*. A chorographic meditation // Russian Writers and the Fin de Siècle. Cambridge: Cambridge University press, 2015. P. 215-232.
18. *Чехов А.П.* Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. Письма: в 12 т. – М.: Наука, 1974–1983.
19. *Ал. и Ант. Чеховы.* Воспоминания, переписка. – М.: Захаров, 2012. – 960 с.
20. Летопись жизни и творчества А.П. Чехова. Т. 1. 1860–1888. – М.: Наследие, 2000. – 512 с.

21. *Ларионова М.Ч., Маркитан Л.В.* Флора и фауна «Степи» // А.П. Чехов: пространство природы и культуры. Сб. материалов Международной научной конференции. Таганрог, 11-14 сентября 2013 г. – Таганрог, ООО «Издательство «Лукоморье», 2013. – С. 396-401.
22. *Сухих И.Н.* «Степь»: константы художественного мира // Проблемы поэтики Чехова. 2-е изд., доп. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2007. – С. 120-135.
23. *Шапочка Е.А.* Таганрогская Александровская гимназия. – Таганрог: ООО Изд-во «Лукоморье», 2010. – 244 с.
24. *Михайловский Н.К.* Из литературных и журнальных заметок 1874 года // Михайловский Н.К. Литературно-критические статьи. – М., 1957. // Режим доступа: http://az.lib.ru/m/mihajlowskij_n_k/text_0031.shtml (Дата обращения: 03.11.2019).
25. *Балухатый С.* Библиотека Чехова // Чехов и его среда. – Л.: АCADEMIA, 1930. – С. 197-423.
26. *Рейтлингер Э.Р., Островский И.А.* Краткая историческая записка о Таганрогской гимназии. – Таганрог: Тип. А.М. Миронова, 1880. – 96 с.
27. Мелиховский летописец: Дневник Павла Егоровича Чехова / Сост. А.П. Кузичева, Е.М. Сахарова. – М.: Наука, 1995. – 267 с.
28. *Кузичева А.П.* Земская деятельность А.П. Чехова // Чеховская карта мира. Материалы междунар. науч. конф. Мелихово, 3-7 июня 2014 г. – М.: Изд-во «Мелихово», 2015. – С. 66-85.
29. *Роскина Н.А.* Письма к Чехову его отца П.Е. Чехова // Чеховские чтения в Таганроге: 50 лет: антология в 2-х ч. / Под ред. Е.В. Секачёвой. Ч.1. Сост. Е.В. Секачёва. – Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та имени А.П. Чехова, 2013. – С. 183-190.
30. *Долгополова Ю.Г.* Необыкновенный сад Чехова. История создания // Необыкновенный сад А.П. Чехова: альбом-каталог: в 2 т. Т. 1. – Белгород: Константа; Ялта, 2018. – С. 6-22.
31. *Головачёва А.Г.* Чеховский Кучук-Кой. История одного имения. – М.: Гелиос А Р В, 2019. – 224 с.
32. Библия. Книги священного писания ветхого и нового завета. – М.: Издание Московской Патриархии, 1988. – 1346 с.
33. *Горичева Т.* Молчание животных. – СПб.: Самиздат, 2008. – 93 с.
34. *Священник Павел Флоренский.* Имена. – Кострома: Издательство «Купина», 1993. – 319 с.
35. *Тюхова Е.В.* Тургенев // А.П. Чехов. Энциклопедия. – М.: Просвещение, 2011. – С. 460-464.
36. *Newlin, Thomas.* At the Bottom of the River: Forms of Ecological Consciousness in Mid-Nineteenth-Century Russian Literature // Russian Studies in Literature, vol. 39, no 2, Spring 2003, P. 71-90.
37. *Тургенев И.С.* Записки ружейного охотника Оренбургской губернии. С. А.-ва. Москва. 1852 : Письмо к одному из издателей «Современника» // Тургенев И.С. Собр. соч. в 12-ти тт. – М.: «Художественная литература», 1976–1979. Т. 12. // Режим доступа: <https://ru.wikisource.org/wiki> (Дата обращения: 03.11.2019).
38. *Дмитренко С.Ф.* Гончаров // А.П. Чехов. Энциклопедия. – М.: Просвещение, 2011. – С. 428-429.
39. *Гончаров.* Обрыв. – М.: Художественная литература, 1980. – 718 с.
40. *Чехов Ал.П.* Исторический очерк пожарного дела в России. – М.: Гос. лит. музей; Летний сад, 2015. – С. 75-108.

41. Летопись жизни и творчества А.П. Чехова. Т. 2. 1889 – апр. 1891. – М.: ИМЛИ РАН, 2004. – С. 187.
42. Влияние обезлесения на увеличение смертности // Русский вестник. 1896. Кн. 7. – С. 344-345.
43. Кюстер Х. История леса. Взгляд из Германии. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. – 304 с.
44. Горичева Т.М. О священном безумии. Христианство в современном мире: философские эссе. – СПб., Алетейя, 2015. – 581 с.
45. Лакиин В.Я. Толстой и Чехов. – М.: Советский писатель, 1975. – 456 с.

Ա.Պ. ՉԵԽՈՎԻ ԷԿՈԼՈԳԻԱԿԱՆ ԳԻՏԱԿՈՒԹՅԱՆ ԾԱԳՄԱՆ ՄԱՍԻՆ

Օ.Վ. ՍՊԱՉԻԼ

Կուրանի պետական համալսարան

Ազովի տափաստանի տնտեսություններում և գյուղերում մանկությունը, ռուսական դասական գրականություն կարդալը, Տագանրոգի մարզադահլիճում բնական երեւոյթներ դիտելը սովորելը, ապոկալիպսիսի մասին ուղղափառ ուսմունքը և մարդկային փոխհարաբերությունները ամբողջ ստեղծված աշխարհի հետ համարվում են Ա. Չեխովի էկոլոգիական գիտակցության ձևավորման վրա ազդող հիմնական գործոններ: Անտառի պահպանության, կենդանական և բուսական աշխարհի հարստության նկատմամբ հարգանքի խնդիրները բարձրացվում են գրողի բազմաթիվ աշխատություններում՝ կազմելով մի տեսակ էկոլոգիական հիպերտեքստ, որը ընդգրկում է գրողի բոլոր աշխատանքները:

Հիմնաբառեր. *Ա.Պ. Չեխով, էկոլոգիա, էկոլոգիական հիպերտեքստ, ռուսական դասական գրականություն, Ռուս ուղղափառություն:*

ABOUT THE ORIGINS OF A.P. CHEKHOV'S ECOLOGICAL CONSCIOUSNESS

O.V. SPACHIL

Kuban State University

Childhood in the farms and villages of the Azov steppe, reading Russian classical literature, learning to observe natural phenomena in the Taganrog gymnasium, the Orthodox teaching about the Apocalypse and human relationships with the entire created world are considered as key factors that influenced the formation of A.P. Chekhov's ecological consciousness. The issues of forest conservation, respect for the wealth of the animal and plant world are raised in many of the writer's works, constituting a kind of ecological hypertext covering all of the writer's work.

Key words: *A.P. Chekhov, ecology, ecological hypertext, Russian classical literature, Russian Orthodoxy.*

Информация о статье: статья поступила в редакцию 21 марта 2018 г., подписана к печати в № 2 (113) 2020 27.12.2018.

¹ «Финал, теневое кольцо пьесы, то, что можно назвать лежащей в ее основе “деградирующей экосистемой”, – тело самого Чехова медленно гибнущее от туберкулеза ОБ ИСТОКАХ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ А.П. ЧЕХОВА» – перевод наш. *О.С.*